

# От Ялты до ультиматума: архитектура миропорядка в эпоху новой конфронтации

**Владимир ШТОЛЬ**

**С**овременная международная политика переживает тектонический сдвиг, масштабы которого заставляют историков и аналитиков проводить параллели с серединой XX в. Эпоха, рождённая в 1945 г. на конференциях в Ялте и Потсдаме, когда лидеры стран-победительниц очертили контуры послевоенного мира, окончательно ушла в прошлое. Её финальным аккордом стал не тихий дипломатический протокол, а жёсткий ультиматум, озвученный Россией Западу в декабре 2021 г., требовавший кардинального пересмотра архитектуры европейской безопасности<sup>1</sup>.

Эти события символически обозначили переход от постсоветской неопределённости к новой фазе стратегического противостояния. Новая конфронтация, унаследовав черты своей предшественницы, обрела уникальные, куда более сложные и опасные очертания в условиях многополярного мира, цифровых технологий и гибридных угроз. Отличительной чертой современной эпохи является её глобальный, всеобъемлющий характер: противоречия, ранее локализованные в военно-политической плоскости, сегодня пронизывают экономику, технологическую сферу, информационное пространство и культурно-ценностные основы обществ, создавая ситуацию тотальной конкуренции, где дипломатический диалог всё чаще подменяется силовым позиционированием.

---

**ШТОЛЬ Владимир Владимирович** – доктор политических наук, профессор Дипломатической академии МИД России. E-mail: v.shtol@gmail.com

**Ключевые слова:** Ялтинско-Потсдамская система, НАТО, ультиматум России – 2021.

<sup>1</sup> Проект Договора между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о гарантиях безопасности и Проект Соглашения о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств – членов Североатлантического договора // URL: [https://mid.ru/ru/foreign\\_policy/rso/nato/1790818/?lang=ru](https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790818/?lang=ru)

Итоги Второй мировой войны были закреплены не только на полях сражений, но и за столом переговоров. Ялтинская (февраль 1945 г.) и Потсдамская (июль – август 1945 г.) конференции установили новый миропорядок, основанный на жёстком, но стабильном балансе сил между вчерашними союзниками, ставшими противниками. Его главными архитекторами выступили СССР, США и Великобритания. Краеугольным камнем этой системы стала Организация Объединённых Наций, созданная как универсальная площадка для диалога, а её Совет Безопасности с правом вето постоянных членов – институциональным закреплением статуса великих держав и их ответственности за поддержание мира, что было зафиксировано в Уставе ООН 1945 г.<sup>2</sup>

Биполярный порядок, возникший на обломках глобального конфликта, представлял собой результат признания неотвратимости сосуществования двух противоположных систем. Как отмечают исследователи, подобная архитектура является продуктом дипломатической деятельности государств, которая, даже в условиях военных действий, остаётся единственным инструментом поиска конечно-го урегулирования<sup>3</sup>.

Это был иерархический порядок, открыто признававший сферы влияния, что было зафиксировано как в неформальных договорённостях, так и в создании противостоящих военно-политических блоков – НАТО

(1949 г.) и Организации Варшавского договора (1955 г.). Природа этих блоков была принципиально разной: если НАТО строилась на принципах обеспечения безопасности исключительно для членов блока, то Варшавский договор выступал за всеобщую и равную безопасность всего континента.

«Железный занавес» стал не просто метафорой Уинстона Черчилля, а физической и идеологической границей между двумя социально-политическими системами. Несмотря на постоянное соперничество, гонку вооружений и прокси-войны, начиная от Корейского полуострова до Анголы на юго-западе Африки, система обладала важным свойством – предсказуемостью.

Как отмечал дипломат и историк Генри Киссинджер, «сверхдержавы... приняли набор правил, которые, по крайней мере, ограничивали масштабы их соперничества»<sup>4</sup>.

Сверхдержавы говорили на одном языке силы и ядерного сдерживания, понимая «красные линии» друг друга, что было институционализировано в серии соглашений по контролю над вооружениями (СНВ-1, Договор по ПРО). Этот биполярный порядок, при всех его недостатках, предотвратил прямое военное столкновение, способное уничтожить человечество. Стабильность того мира базировалась на чётком понимании взаимных сфер влияния и военно-стратегического паритета, который, несмотря на локальные

<sup>2</sup> Устав Организации Объединённых Наций. 1945 // URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>

<sup>3</sup> Бобров А.К., Лебедева О.В. Архитектура мирового порядка. Дипломатия международных отношений. М.: АСТ, 2024. С. 78.

<sup>4</sup> Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. С. 135.

кризисы, никогда не подвергался сомнению.

Эта система, по сути, была системой сдерживания, основанной на взаимном гарантированном уничтожении, что делало любую прямую конфронтацию между ядерными державами неприемлемой. Дисциплина конфронтации поддерживалась не только страхом ядерной катастрофы, но и относительной изолированностью экономических и информационных пространств, что ограничивало возможности для нелинейного, гибридного воздействия, столь характерного для современности.

Формирующийся сегодня многополярный мир принципиально отличается от биполярной схемы XX в. наличием как минимум трёх центров силы, где Китай выступает не просто самостоятельным игроком, но и ключевым экономическим партнёром и геополитическим союзником России в противостоянии с западной гегемонией. Взаимодействие Москвы и Пекина, оформленное в рамках отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, выходит за рамки ситуативного альянса по противодействию США. Оно формирует ось нового миропорядка, основанного на принципах, альтернативных западным: неприятие вмешательства во внутренние дела, приоритет государственного суверенитета над концепцией либеральных ценностей, используемой как инструмент давления, и поддержка многополярной модели управления международными институтами. Экономическая мощь Китая, его технологический

потенциал и глобальная инициатива «Один пояс, один путь» создают материальную основу для альтернативной глобализации, не контролируемой Вашингтоном и Брюсселем.

Именно в контексте стратегического партнёрства с Китаем российские усилия по построению «суверенной» экономической модели и развитию транспортных коридоров между Востоком и Западом обретают системный характер и долгосрочную перспективу. Вместе с тем это партнёрство не лишено сложностей: Пекин сохраняет осторожность, стремясь избежать прямых санкционных рисков для своей экономики, что требует от российской дипломатии тонкой работы по синхронизации позиций и выстраиванию взаимодополняющих, а не конкурирующих интеграционных проектов на пространстве Евразии.

**Р**аспад Советского Союза в 1991 г. был воспринят на Западе как безоговорочная победа в холодной войне. На смену биполярному миру, как тогда казалось, пришла униполярная модель с доминированием Соединённых Штатов. Теория «конца истории» Фрэнсиса Фукуямы (1992 г.) стала интеллектуальным обоснованием эпохи, в которой либеральная демократия и рыночная экономика не имели альтернатив<sup>5</sup>. Однако, как отмечают современные исследователи, этот период можно охарактеризовать скорее как межсистемный, где на смену старой архитектуре ещё не пришла новая, что создало вакуум и предпосылки для будущих конфликтов. На Западе, и в первую очередь в США, увидели в этой ситуации исто-

<sup>5</sup> Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N.Y.: Free Press, 1992. – 418 p.

рический шанс для переформатирования международной среды в соответствии со своими ценностями и интересами, что выразилось в активной экспансии западных институтов и норм. Это была эпоха, когда международное право и многосторонние институты всё чаще использовались как инструменты легитимации униполярных действий, что подрывало их нейтральность и авторитет.

Ключевым процессом, определившим дальнейший раскол, стало расширение НАТО на Восток. Для Запада это было естественным распространением своей зоны безопасности, либеральной демократии и евро-атлантических ценностей, что нашло отражение в Хартии об особом партнёрстве (1997 г.) и последующих решениях саммитов альянса, вплоть до Бухарестской декларации 2008 г., подтвердившей перспективу членства для Украины и Грузии. Для российской политической элиты это стало стратегическим продвижением враждебного военного блока к её границам, воспринимаемым как нарушение устных договорённостей эпохи объединения Германии. В российских официальных документах, таких как «Концепция внешней политики Российской Федерации» (2000 г.), уже тогда фиксировалась озабоченность действиями, направленными на «подрыв стратегической стабильности»<sup>6</sup>. Западная аналитика также признаёт, что движущей силой для стремления стран Восточной Европы в НАТО был опыт «советского доминирования» и желание обезопасить себя от подобного сценария в будущем. Однако в Москве это виде-

ли не столько как ответ на исторические страхи восточноевропейцев, сколько как сознательное строительство нового санитарного кордона, обеспечивающего изоляцию и ослабление России в стратегической перспективе. Расширение НАТО стало не просто военным, но и глубоко цивилизационным вызовом, подрывавшим исторически сложившуюся систему безопасности на континенте и исключавшим Россию из общеевропейского пространства.

Параллельно с военно-политическим противостоянием нарастал конфликт в энергетической сфере, где Россия, обладая колоссальными ресурсами, долгое время пыталась выстроить взаимозависимость как основу стабильности.

Проекты вроде «Северного потока – 2» были не просто коммерческими предприятиями, а геоэкономическими инициативами, призванными зацементировать отношения с ключевыми потребителями в ЕС, прежде всего с Германией. Однако на Западе, и в особенности в США, рассматривали такую взаимозависимость как инструмент российского давления и угрозу своему влиянию в Европе. Их ответом стали целенаправленные действия по дискредитации и последующему саботированию этих проектов, а также беспрецедентные санкции против российского энергетического сектора.

Эти шаги, с одной стороны, подтвердили для Москвы тезис о том, что Запад готов жертвовать собственной экономической выгодой ради достижения геополитических целей по ослаблению России, а с

<sup>6</sup> Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 28 июня 2000 г.) // URL: <https://constitutions.ru/?p=23595>

другой – они ускорили фундаментальный пересмотр российской экономической стратегии: курс «поворот на Восток» в энергетике, активное развитие нефтегазохимии для увеличения добавленной стоимости, форсированное создание собственной танкерной флотилии и платёжных систем, независимых от контроля США.

Энергетический фактор трансформировался из инструмента интеграции в инструмент суверенитета и геоэкономического манёвра, а контроль над ресурсами Арктики и Сибири стал рассматриваться как вопрос не только экономического, но и военно-стратегического выживания в условиях длительной конфронтации.

**Н**акопившееся российское недовольство выплеснулось в 2007 г. на Мюнхенской конференции по безопасности, где В.В. Путин в своей знаковой речи открыто заявил: «Расширение НАТО... представляет собой серьёзный провоцирующий фактор, снижающий уровень взаимного доверия. И у нас есть все основания утверждать, что впустую тратятся заверения, данные на высшем уровне»<sup>7</sup>.

Последующие кризисы – война в Грузии (2008 г.), украинский майдан и воссоединение Крыма с Россией (2014 г.) – стали точками невозврата. Санкции, введённые Западом, и ответные меры Москвы окончательно похоронили надежды на «парт-

нёрство от Лиссабона до Владивостока».

Архитектура европейской безопасности, выстроенная в рамках таких институтов, как ОБСЕ, продемонстрировала свою неэффективность.

В основе конфликта лежало не только расширение НАТО, но и фундаментальное расхождение во взглядах на миропорядок: Россия стремилась к многополярности и уважению суверенитета, в то время как западная политика, по оценкам экспертов, оставалась в плену устаревшего блокового подхода<sup>8</sup>.

Этот раскол был усугублён растущим цивилизационным отчуждением, когда западные ценности индивидуализма, либеральной демократии и прав ЛГБТ стали восприниматься в России не просто как альтернативная идеология, а как инструмент подрыва традиционного уклада и национального суверенитета, что нашло отражение в официальных документах о защите традиционных ценностей. Параллельно с этим нарастало технологическое и экономическое противостояние, когда западные санкции всё чаще использовались как инструмент геополитического давления, а Россия отвечала курсом на импортозамещение и технологический суверенитет.

Современная конфронтация всё реже принимает форму классических дипломатических демаршей или открытых военных столкнове-

<sup>7</sup> Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности (10 февраля 2007 г.) // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

<sup>8</sup> Sushentsov A. Russia and the West's Structural Confrontation Over the Future World Order // Horizons. Winter 2025. № 29 // URL: <https://www.cirsd.org/en/horizons/horizons-winter-2025-issue-no-29/russia-and-the-west-structural-confrontation-over-the-future-world-order>

ний регулярных армий. Её повседневной реальностью стало то, что эксперты определяют как «теневое противостояние» (*shadow warfare*) – непрерывная, вездесущая активность ниже порога объявления войны. Эта активность включает:

- кибератаки на критическую инфраструктуру;
- сложные кампании по дезинформации и манипуляции общественным сознанием через социальные сети;
- использование неправительственных организаций и политических фондов для финансирования протестных движений;
- тайные операции спецслужб;
- экономическое давление через санкции против конкретных лиц и компаний.

Особенностью этой войны является её асимметрия и денационализация: зачастую невозможно с абсолютной уверенностью говорить о каком-то конкретном государстве, а исполнителями выступают полунезависимые хакерские группы или частные военные компании.

Для России такая форма конфликта не нова – её истоки можно проследить в советских практиках активных мероприятий, однако цифровизация общества придала им невиданный ранее масштаб и скорость. Запад стал активно заниматься созданием целых институтов, таких как Центр по противодействию гибридным угрозам при НАТО, и разработкой доктрин «управляемого хаоса» и «изнурения», направленных на длительное ослабление противника без прямого столкновения<sup>9</sup>.

Теневое противостояние подрывает саму основу международного права, основанного на чётком определении акта агрессии и ответственного субъекта, и ведёт к эрозии доверия внутри обществ, которые становятся полем битвы для чужих информационных кампаний. Это порождает парадоксальную ситуацию, когда государства вынуждены вести непрерывную, изматывающую борьбу на всех фронтах, даже в периоды формального отсутствия войны, тратя колоссальные ресурсы на киберзащиту, контрпропаганду и обеспечение экономической устойчивости.

В декабре 2021 г. Россия представила США и НАТО проекты двух договоров – «О гарантиях безопасности» и «О мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств – членов НАТО». Эти документы, опубликованные на сайте МИД России, ознаменовали важнейший поворот. Москва перешла от риторики недовольства к формальному, публичному и юридически оформленному требованию восстановления стратегического паритета и возврата к военной конфигурации на момент подписания основополагающего акта Россия – НАТО 1997 г. Ключевые требования, изложенные в статьях проектов договоров, включали:

- отказ от дальнейшего расширения НАТО (ст. 4 проекта с США, ст. 1 проекта с НАТО);
- отказ от любой военной деятельности на территории Украины и других государств Восточной Европы, Закавказья и Центральной Азии (ст. 5 проекта с США);

<sup>9</sup> Hybrid Analysis and Response Centre. NATO // URL: <https://www.hybridcoe.fi/>

- вывод ударных вооружений и войск за пределы положений 1997 г.;
- отказ от размещения ракет средней и меньшей дальности вблизи границ РФ (ст. 6 проекта с НАТО)<sup>10</sup>.

Это был не запрос на переговоры, а ультиматум в полном смысле слова – жёсткое заявление о «красных линиях», за которые Москва не была готова отступать, подкреплённое масштабной военной группировкой у границ Украины<sup>11</sup>.

Отклонение этих предложений Западом (официальные ответы США и НАТО от 26 января 2022 г.) стало формальным обоснованием для последующего начала специальной военной операции, кардинально изменившей всю систему европейской и глобальной безопасности. Ультиматум 2021 г. ознаменовал окончательный отказ России от попыток встроиться в западный миропорядок и переход к открытой конфронтации с целью силой пересмотреть сложившуюся архитектуру.

Как заявил президент России В.В. Путин 21 февраля 2022 г., «сложившаяся ситуация требует от нас решительных и незамедлительных действий. <...> Созданные США и НАТО условия поставили нас перед необходимостью противодействовать»<sup>12</sup>.

Некоторые западные аналитики расценили эти проекты договоров не как основу для переговоров, а как «дымовую завесу» для отвлече-

ния внимания или декларацию о намерениях. Однако в Москве этот шаг виделся как последняя попытка дипломатическими средствами предотвратить худший сценарий, как ультимативное требование вернуться к принципам равной и неделимой безопасности, зафиксированным в документах ОБСЕ, но систематически игнорируемым на практике. Отказ Запада воспринимался Россией как окончательное доказательство его нежелания считаться с законными интересами безопасности Москвы и его намерения продолжить стратегическое сжатие пространства вокруг России. Последующие события подтвердили, что конфликт вышел за региональные рамки, превратившись в глобальную битву за будущее устройство мира, где украинский фронт является лишь одним, хотя и крайне важным, театром военных действий.

**Н**овая конфронтация принципиально отличается от биполярного противостояния XX в. Россия выступает не как глава идеологического блока, а как один из суверенных центров силы в формирующемся многополярном мире, предлагающий альтернативную модель. Её основы, как следует из официальных документов, – это суверенитет, культурно-цивилизационное многообразие, примат международного права над «правилами», уважение к тради-

<sup>10</sup> Проект Договора между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о гарантиях безопасности и Проект Соглашения о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств – членов Североатлантического договора.

<sup>11</sup> Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70811>

<sup>12</sup> Обращение Президента Российской Федерации (21 февраля 2022 г.) // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67828>

ционным ценностям. Российская позиция коренится в убеждении, что многополярность – не проект будущего, а объективная реальность, требующая отказа от униполярной гегемонии, которая, по мнению Москвы, проявляется в односторонних санкциях и использовании доллара как инструмента давления<sup>13</sup>.

Ключевыми инструментами этой стратегии стали:

- технологический и экономический суверенитет (политика импортозамещения, развитие внутреннего рынка);

- укрепление альтернативных институтов – углубление и расширение БРИКС, развитие Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

В ныне действующей Концепции внешней политики (2023 г.) Россия прямо заявляет о курсе на «упрощение процедуры приёма новых членов в БРИКС и ШОС»<sup>14</sup>. Эти структуры рассматриваются как каркас новой, полицентричной международной архитектуры. Важным элементом является переориентация внешнеэкономических связей на глобальный Юг и Восток, что отражает стремление «мирового большинства» к большей автономии от западных институтов.

Однако новая конфронтация носит системный и гибридный характер, пронизывая все сферы – от военной до культурной. Западные аналитические центры, такие как RAND, уже разрабатывают концепции

«управляемого хаоса» и «неопределённой войны», где традиционные фронты и цели размываются, а ставка делается на изнурение и эрозию противника в долгосрочной перспективе. В контексте украинского кризиса это проявляется в заявлениях о долгосрочных целях, географические границы которых сознательно оставляются размытыми, создавая стратегическую неопределённость и оказывая психологическое давление на противника. Конфликт видится Москвой не как локальный, а как кульминация структурного противостояния за будущий мировой порядок, где Украина является полем битвы между униполярной и многополярной моделями<sup>15</sup>. Это противостояние вышло далеко за рамки региона и стало глобальным, вовлекая в свою орбиту страны Азии, Африки и Латинской Америки, которые отказываются присоединяться к западным санкциям и стремятся занять более независимую позицию, видя в конфликте также и борьбу против неоколониальной политики Запада.

Успех российской стратегии в новой конфронтации зависит не только от военно-политической составляющей, но и от решения внутренних геоэкономических задач. Развитие восточных и северных территорий России – Арктики, Сибири и Дальнего Востока – приобретает критически важное стратегическое значение. Это не просто точки роста, а становой хребет новой логистической и ресурсной карты страны, от

<sup>13</sup> Sushentsov A. Russia and the West's Structural Confrontation Over the Future World Order.

<sup>14</sup> Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

<sup>15</sup> Sushentsov A. Russia and the West's Structural Confrontation Over the Future World Order.

которого зависят устойчивость энергетики, надёжность снабжения и национальная безопасность в условиях санкционного давления.

Внешнеполитическая активность на направлениях БРИКС+ и ШОС находит своё внутреннее отражение в необходимости создания надёжной тыловой базы. Укрепление технологического суверенитета и переориентация торговых потоков являются двумя сторонами одной медали – построения экономики, устойчивой к внешнему давлению и интегрированной в альтернативные, незападные центры силы. Параллельно происходит глубокая трансформация общественного сознания в самой России, консолидация вокруг идей суверенитета и традиционных ценностей, что является ответом на внешнее давление и внутренне необходимо для мобилизации в условиях длительной конфронтации. Идеологический разворот в сторону традиционализма и консерватизма стал неотъемлемой частью государственной политики, направленной на укрепление духовного иммунитета общества и формирование альтернативного западному ценностного полюса.

Каким будет итог нынешнего исторического перелома?

Анализ позволяет выделить несколько потенциальных моделей нарождающегося мироустройства:

*первая* – «конфликтная многополярность» – предполагает сохранение нынешней ситуации острой конкуренции между несколькими центрами силы (США, Китай, Россия, возможно, Индия и Евросоюз) без общепризнанных правил игры, что чревато постоянными региональными кризисами и гонкой вооружений;

*вторая модель* – «иерархическая многополярность» – может сложиться, если между основными полюсами будет достигнуто неформальное разделение сфер влияния и правил сосуществования, отдалённо напоминающее Ялтинскую систему, но с большим числом участников;

*третья, наиболее рискованная модель* – «биполярность 2.0» – возможна в случае формирования двух чётких, идеологически антагонистичных блоков: западного во главе с США и евразийского/континентального во главе с Китаем и Россией, что вернёт мир к логике жёсткого противостояния, но в глобальном масштабе.

Развитие событий по тому или иному сценарию будет зависеть от исхода текущих конфликтов (в первую очередь украинского), динамики экономического развития Китая, способности России преодолеть технологические вызовы и, наконец, от выбора, который сделает «глобальное большинство» – страны, не желающие присоединяться ни к одному из блоков. Промежуточным итогом уже сейчас является окончательная деглобализация в её западном, унифицированном варианте и формирование нескольких конкурирующих экосистем (технологических, финансовых, логистических), каждая со своими стандартами и правилами. Это делает мир одновременно более фрагментированным и более конкурентным, где сила и суверенитет вновь становятся главными аргументами в международных делах, отодвигая на второй план идеалистические проекты глобального управления.

Ключевым подтверждением способности России отстаивать свои позиции и влиять на формирование новой архитектуры безопасности стала первая за долгое время встреча лидеров России и США В.В. Путина и Д. Трампа в Анкоридже (Аляска, США) 15 августа 2025 г. Прошедшая после длительной фазы острой конфронтации, вызванной отказом Запада от равноправного диалога, эта встреча обозначила важный стратегический прорыв и стала наглядным свидетельством признания российского центра силы как неотъемлемого участника в решении ключевых международных вопросов.

Встреча в Анкоридже, ставшая результатом последовательной и принципиальной внешней политики России, подтвердила тезис о том, что односторонние подходы в лице ультимативных санкций и политики изоляции в отношении Москвы являются тупиковыми. Возвращение Д. Трампа на пост президента США (2025 г.) было ознаменовано прагматичным осознанием необходимости прямого диалога с Москвой для урегулирования накопившихся кризисов. Инициатива проведения саммита, исходившая от американской стороны, сама по себе стала важной дипломатической победой России, свидетельствующей о возвращении к реалистичной оценке глобального баланса сил и признании ошибочности курса на игнорирование законных

интересов безопасности Российской Федерации. Выбор места встречи на Аляске подчеркнул переход от риторики конфронтации к поиску новых форматов взаимодействия между двумя крупнейшими ядерными державами.

Российская дипломатия продемонстрировала в Анкоридже высокий профессионализм, сумев использовать саммит для последовательного продвижения национальных интересов и ключевых принципов российской внешней политики. На переговорах президент В.В. Путин вновь чётко и аргументированно изложил российскую позицию, согласно которой урегулирование любых кризисов, включая украинский, невозможно без устранения их глубинных, системных причин, к которым Москва относит экспансию НАТО, размещение наступательных вооружений у своих границ и поддержку Западом враждебных режимов на постсоветском пространстве<sup>16</sup>, <sup>17</sup>. Тезис о необходимости ревизии сложившейся после 1991 г. архитектуры европейской безопасности, впервые публично заявленный в ультиматуме 2021 г., был вновь поднят на высшем уровне и стал центральной темой дискуссии.

Итоги встречи, несмотря на отсутствие подписанных соглашений, имеют долгосрочное стратегическое значение и свидетельствуют о ряде важнейших достижений российской внешней политики:

<sup>16</sup> Проект Договора между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о гарантиях безопасности и Проект Соглашения о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств – членов Североатлантического договора.

<sup>17</sup> Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

1. Де-факто снятие политической изоляции: встреча на высшем уровне с личным участием президента США, сопровождавшаяся полным набором дипломатических протокольных почестей (включая совместную поездку в президентском лимузине), стала красноречивым символом окончания попыток Запада изолировать Россию на мировой арене. Конечно, даже сам факт проведения такого саммита, после всего произошедшего, являлся для Москвы победой, означавшей возвращение в клуб великих держав, определяющих правила игры.

2. Сдвиг в повестке и риторике западных лидеров: результатом переговоров стало публичное заявление президента США Д. Трампа о том, что «Россия – могучая страна», а дальнейшее урегулирование конфликтов теперь зависит от готовности других сторон (имея в виду, в первую очередь, киевский режим) идти навстречу предложениям Москвы. Подобная риторика знаменовала собой отход от однозначной поддержки позиции Киева и косвенное признание правомерности озабоченностей России в сфере безопасности, что является прямым следствием эффективной и жёсткой российской позиции<sup>18</sup>.

3. Легитимизация российской повестки в глобальном контексте: Анкоридж подтвердил, что без участия России и учёта её интересов невозможно достижение каких-либо устойчивых договорённостей по ключевым вопросам мировой политики – от стратегической стабильности до региональных кризисов.

Это полностью соответствует российской концепции многополярного мира, где Россия выступает одним из суверенных центров силы.

4. Открытие перспективы для дальнейшего диалога: президент В.В. Путин, демонстрируя открытость и конструктивный подход, предложил провести следующую встречу в Москве, что получило положительный отклик со стороны американского коллеги. Это создало рабочую динамику и заложило основу для последующих консультаций, в которых Россия сможет продолжать настаивать на юридически закреплённых гарантиях безопасности.

Таким образом, саммит в Анкоридже стал не просто эпизодом в международной дипломатии, а знаковым событием, подтвердившим правильность выбранного Россией курса на защиту национального суверенитета и отстаивание своих «красных линий». Встреча продемонстрировала, что стратегическое терпение, военно-технические возможности и последовательная внешняя политика позволяют России даже в условиях жёсткого противостояния вернуться за стол переговоров и с позиции силы диктовать свои условия в диалоге о будущем мироустройстве. Успех в Анкоридже укрепил за Россией роль одного из архитекторов формирующегося многополярного порядка и показал, что любая будущая система международной безопасности будет либо включать в себя российские озабоченности и гарантии, либо оставаться хрупкой и несостоятельной.

<sup>18</sup> «Россия – могучая страна, а Украина – нет», – заявил Трамп (16 августа 2025 г. // URL: <https://riamo.ru/news/politika/rossija-moguchaja-strana-a-ukraina-net-zajavil-tramp/>)

Таким образом, от Ялты до ультиматума 2021 г. и встречи в Анкоридже в 2025 г. – это путь от порядка, основанного на вынужденном союзе и последующем биполярном паритете, к его болезненному демонтажу и поиску новой формулы безопасности.

Современные реалии знаменуют собой болезненный и конфликтный переход от американской гегемонии к подлинно многополярному миру, где несколько центров силы оспаривают правила игры.

Россия, пройдя через сложный период трансформации, путём жёсткой конфронтации и опоры на собственные силы вновь заявила о себе как о самостоятельном полюсе мировой политики. Ультиматум 2021 г. стал точкой бифуркации, за которой последовала не просто специальная военная операция, а полномасштабная деконструкция послевоенной архитектуры безопасности в Европе. Нынешняя конфронтация отличается от холодной войны своей многополярностью и гибридностью в борьбе за принципы будущего мироустройства: униполярная гегемония против полицентричного суверенитета. Успех или неудача этой стратегии будет определяться не только на полях сражений, но и в сферах технологий, экономики и идеологии, где формируется контур нового, ещё более сложного и конкурентного мирового порядка. Ключевыми станут способность России решить внутренние задачи развития, эффективно выстроить альянсы с «мировым большинством» и противостоять долгосрочной стратегии изнурения, которую Запад, судя по аналитическим разработкам, намерен применять в рамках «управляемого хаоса».

Будущая архитектура мира будет результатом этого тотального соревнования систем, в котором старые институты и правила будут либо трансформированы под давлением новых реалий, либо окончательно отброшены как несостоятельные. Процесс этот будет длительным и болезненным, но уже очевидно, что возврата к порядку, основанному на доминировании одной державы или блока, не будет.

Многополярность, со всеми её рисками и конфликтами, становится новой объективной реальностью международных отношений, и Россия утверждает себя в качестве одного из её несущих столпов, предлагая миру альтернативную парадигму развития, основанную на уважении суверенитета, культурного разнообразия и подлинного равенства наций.

## Библиография • References

Бобров А.К., Лебедева О.В. Архитектура мирового порядка. Дипломатия международных отношений. М.: АСТ, 2024. – 320 с.

Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности (10 февраля 2007 г.) // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>.

Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. – 848 с.

Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 28 июня 2000 г.) // URL: <https://constitutions.ru/?p=23595>

Обращение Президента Российской Федерации (21 февраля 2022 г.). Официальный сайт Президента России // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67828>

Проект Договора между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о гарантиях безопасности и Проект Соглашения о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств – членов Североатлантического договора // URL: [https://mid.ru/ru/foreign\\_policy/rso/nato/1790818/?lang=ru](https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790818/?lang=ru)

«Россия – могучая страна, а Украина – нет», – заявил Трамп (16 августа 2025 г.) // URL: <https://riamo.ru/news/politika/rossija-moguchaja-strana-a-ukraina-net-zajavil-tramp/>

Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70811>

Устав Организации Объединённых Наций. 1945 // URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>

*Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. N.Y.: Free Press, 1992. – 418 p.

Hybrid Analysis and Response Centre. NATO // URL: <https://www.hybridcoe.fi/>

*Sushentsov A.* Russia and the West's Structural Confrontation Over the Future World Order // Horizons. Winter 2025. № 29 // URL: <https://www.cirsd.org/en/horizons/horizons-winter-2025-issue-no-29/russia-and-the-west-structural-confrontation-over-the-future-world-order>

Статья поступила в редакцию 13 декабря 2025 г.

Статья принята к печати 16 декабря 2025 г.

**Уважаемые читатели!**  
**Открыта подписка на 2026 год**  
**на ежемесячный научно-аналитический журнал**

**«Обозреватель–Observer»**

**Подписка проводится:**

– для корпоративных подписчиков «УП Урал-Пресс» по электронному каталогу на сайте **[www.ural-press.ru](http://www.ural-press.ru)**

– для индивидуальных подписчиков Агенством подписки «Деловая пресса» по электронному каталогу на сайте **<https://delpress.ru/catalog/>**  
тел.: +7-495-951-22-25